

ворить, все мои сыночки; нельзя кинуть ихъ: свое вѣдь“; да и рассказала, все какъ есть рассказала, про лягушку, какъ она, значить, и изъ моря вынесла, и домъ нашла, и все. Только сынки и говорятъ: „мамонька ты, свѣтъ наша! больно намъ хотца на родителя посмотрѣть. Живемъ мы здѣсь безъ разума, безъ родителева благословенія. Отведи ты насъ къ нему“. Вотъ и пошли; чистыя поля, зеленыя луга, поточки царски поютъ пѣсни арски—за ними идутъ. И поросеночекъ, и лягуша, и щененочекъ тутъ-же. Ну, и пришли они домой. Ягѣ-баба, какъ шальнѣ, бѣгаетъ съ угла на уголъ, стрѣляетъ по избѣ; видитъ, значить, плохо: рѣжанечъ ей будетъ. А царь увидалъ ихъ, сичасъ встрѣчать вышелъ. Привелъ ихъ въ избу. И стали они жить да поживать да добра наживать. Вамъ сказка, а мнѣ баранковъ связка; вамъ на поученье, а мнѣ на угощенье. Здоровы будьте, добры люди!

Орловскій у., дер. Калямова. 1882 г.

132. Маёрша.

Жила-была маёрша. Пошла она къ обѣднѣ. А она баская, красивая была, кто не идетъ — заглядится. Вотъ и идетъ тутъ мимо татаринъ, баетъ ей: „миленька маёрша, полюби меня!“ — „Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ“. И опять, значить, своей дорогой пошла. Вотъ ладно. Навстрѣчу тутъ попадается дьяконъ: „миленька маёрша, полюби меня!“ — „Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ, сладимся“. Идетъ дальше. А тутъ попъ къ обѣднѣ пошелъ, увидалъ маёршу да и баетъ: „миленька маёрша, полюби, баетъ, меня“. — „Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ“.

Вотъ ладно. Маёрша мужу и баетъ: „подъ, баетъ, куды-нибудь на вечеръ, ко мнѣ гости придутъ“. Онъ ушолъ. Только что ушелъ онъ, приходитъ татаринъ да приносить денегъ мѣшокъ; баетъ: „куды деньги то дѣвать, миленька маёрша?“ — „Ну, баетъ, вали за печь“. Сѣли тутотка они на печь, баяли, баяли. Татаринъ и сказалъ: „не пора-ли намъ, миленька маёрша, спать?“ — „Ночь ищо долга,—наси-димся, набаемся“. Это будто маёрша-то баетъ. А тутъ дьяконъ стучится, въ калитку, значить, бухаетъ со всѣхъ силъ:

„пусти“, баеть. Она сичась ему: „разболокайся, баеть, вставай на лавку да держись за полицу“. Татаринъ сталъ тута. Пустила дьякона, а онъ мѣшокъ принесъ съ деньгами. — „Куды, баеть, деньги дѣвать?“ „Вали, баеть, за печь“. Свалилъ за печь, сѣлъ самъ на печь; маёрша къ нему подсу; сѣдилась. Баяли, баяли... Дьяконъ видитъ — поздно ужъ; баеть: „миленька маёрша, не пора-ли спать ложиться?“ — „Ну, баеть, ищо налѣжимся, наваляемся: ночь-то долга“. А тутъ попъ стучится. Дьяконъ сичась: „куды, баеть, я дѣнусь?“ — „Прячься подъ коробъ, на полати полѣзай“. Залѣзъ туды дьяконъ; сидитъ, молчитъ. Она сичась калитку отворила, попа пустила. А онъ съ деньгами: кошель цѣлый припѣръ. „Куды, баеть, деньги дѣвать, миленька маёрша?“ — „Валаяй за печь да полѣзай на печь“; и сама туда же за нимъ. Сидѣли, сидѣли. Только попъ и баеть: „не пора ли намъ ложиться, миленька маёрша?“ — „Налѣжимся ищо, набаемся, ночь то вѣдь долга“. Ну, тутъ и мужъ идетъ, стучаетъ въ ворота. Попъ забоялся. — „Миленька маёрша, куды, баеть, я дѣнусь?“ — „Разболокись, батюшко, оболочки вотъ этотъ портяной старухинъ сарафанъ да подъ, мели на жерновахъ“. Посередь избы жернова стояли; она и заставила его молоть рожь. Пришелъ тутъ мужъ. — „Что, баеть, у тебя за баушка?“ — „Была, баеть, на базарѣ, купила дуру, дала грошъ да и велѣла молоть рожь: на посыпку свиньямъ пригодится“. — „А это, баеть, чево у тебя?“ Татаринъ-отъ стоитъ, на него указываетъ. — „Это живопищики ѣхали, живопись написали“. Мужъ и баеть ей: „а чево, баеть, глаза бѣгають, чего ребра не ровны? Надо скобелью поскоблить. Дай-ко тутъ у меня, баеть, въ пестерѣ скобель была“. Какъ услыхалъ татаринъ это, да давай Богъ ноги. Такъ и убѣжалъ. А попъ да дьяконъ не сдоганулись, тутъ остались. Вотъ маёрша и баеть: „возьми, баеть, ружье да пострѣляй въ коробъ: что то тамъ елозитъ“. Мужъ какъ взялъ ружье да какъ началъ пулять въ коробъ, такъ и убилъ дьякона. Потомъ, значить, за попадѣй послали; пожелали ее достать въ гости. Пришла попадья. Жалуется, что попъ пропалъ. „Пошелъ, баеть, къ обѣднѣ да такъ и не бывалъ; запростился гдѣ-то, шатина!“ А мужъ и баеть: „была вонъ жена на базарѣ, дуру купила, дала грошъ, чтобы мелила рожь, авось пригодится свиньямъ на посыпку“. Глянула она—анъ

это полтъ. „Кабы не моя, баеть, дура то эта“. Взяла да и увела домой. Тѣмъ и покончилось. Маёрша разбогатѣла на тѣ деньги: дѣвѣ еѣ хватило. Жила да орѣшки все грызла...

г. Орловъ. Записано со словъ Федора Коротаева. 1882 г.

133. [Какъ крѣпостной живописецъ рисовалъ барину чорта].

Жилъ-былъ человѣкъ одинъ, а у него былъ рабъ живописецъ. Строгій былъ этотъ человѣкъ, спуску никому не давалъ. Муку мученску терпѣлъ отъ него рабъ; ни днемъ, ни ночью покою ему не было: все рисуй да рисуй, а баринъ себѣ въ карманъ деньги кладетъ. Одно слово — жидоморъ, [настоящій N] (имя одного Орловскаго купца, отличающагося своею скупостью). Вотъ разъ призываетъ онъ раба своего да и говоритъ ему: „нарисуй, говоритъ, мнѣ чорта, да чтобы вѣрно было, точка въ точку чтобы“. — „Да какже, говоритъ, я нарисую, ваше благородіе, коли я не видалъ его никогда“. — „А ужъ это, говоритъ, дѣло твое. Рисуй, какъ знаешь; только чтобы было непременно, а то смотри—повѣщу“, говоритъ. Видитъ рабъ—смерть приходитъ; что тутъ дѣлать? а нарисовать не умѣетъ. Тогда еще на иконахъ-то этихъ чертей не было, православные не знали, какъ рисовать его. Сталъ онъ Бога молить, чтобы Богъ ему помогъ. Помолился крѣпко-на-крѣпко, потомъ легъ и заснулъ. Вдругъ и слышитъ чей-то голосъ: „рабъ, встань, поди въ баню, тамъ увидишь чорта и патреть съ него нарисуешь“. Всталъ онъ и пошелъ въ баню. Сѣлъ за столъ, грамотку взялъ, — вотъ какъ ты теперичко; сидитъ, дожидается. Вдругъ и слышитъ: въ передбанникѣ стукъ, вой поднялся. Онъ такъ и обмеръ. А тутъ кто-то крикнулъ, говоритъ: „рабъ Божій, не убойся!“ изъ-за двери выставилась рука по самое плечо, мохнатая, толстая такая... У-у! Рабъ дрожитъ, а самъ водить, водить по бумагѣ; ну, и нарисовалъ. Тутъ опять: „рабъ Божій, не утрапшисъ!“ нога изъ-за двери выставилась. Онъ сей-